

стике над фонтаном, обсуждают костюм, рассказ Володи в журнале «Юность». Замечают внизу жену Колиного брата Анну с неизвестным молодым человеком. А потом отправляются слушать музыку — оказывается, у Коли в ГУМе свой особый интерес, — он влюблен в девушку-продащицу в секции грампластинок, отдел классической музыки. Алена прелестна в своей девичьей горделивости и тоже романтична — тут же загорается идеей уехать в тайгу, на стройку, где работает Володя.

Встреча и шопинг четырех счастливых по умолчанию хороших молодых людей 1963 года происходит в ГУМе потому, что он способен удовлетворить потребности юных романтиков — желание приукраситься, тягу к дальним странствиям, надежду встретить любовь. Плюс мороженое, конечно.

На протяжении советских десятилетий магазины были чем угодно, но не местом, где приятно проводить время. Процесс покупки чего-либо был мучительным, изнурительным, полным незаслуженных унижений. И только ГУМ был хотя бы отчасти не похож на другие магазины, предлагал некую компенсацию страданий советских потребителей — красота, фонтан, мороженое, показы мод. Здесь можно было на время забыть, что советского товарного изобилия никогда не хватает на всех.

По версии Данелии, здесь можно вообще ни о чем не думать — просто слушать музыку, смотреть на девушку и быть счастливым.

Может, и не без оснований бесчисленные худсоветы указывали режиссеру на отсутствие жизненной правды в его фильме — хотя и не его вина, что оттепельная утопия закончилась так быстро. В реальности ГУМ был не как в кино. Иллюстрацией реального положения дел может служить забавная история, случившаяся с Данелией в 1962 году в Мексике, куда он, его соавтор Игорь Таланкин, а также Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева были приглашены на международный кинофестиваль представлять фильм «Сережа». В Мехико советская делегация приехала в день большого католического праздника.

«Прямо из посольства Люся повезла нас смотреть праздник — пока он не кончился. У соборной площади мы вышли, а машины с вещами отравили в гостиницу.

— Только держитесь все вместе, а то потеряемся, — предупредила Люся.

На площади перед собором — тысячи и тысячи людей. Из динамиков доносится приятный голос...

— Сегодня сам кардинал службу ведет, — сказала Люся.

Таланкин еще в Москве купил восьми-миллиметровую камеру. И, как только вы-

шел из машины, принялся все снимать. И мы его потеряли. Попробовали искать, да где там! Все, привет, пропал Таланкин: где гостиница — не знает, языка не знает. И денег у него нет (Скобцева еще не выдала нам суточные).

Люся подвела нас к конной статуе:

— Стойте здесь, и отсюда ни шагу! — и исчезла.

Через десять минут из динамиков слышалась какая-то возня, и вдруг мы услышали Люсин голос. Люся кричала:

— Таланкин! Посреди площади конная статуя! Подходи к ней! Конная статуя! К передним ногам!

Опять какая-то возня, пререкания по-испански, Люсино „пардон“, и снова бархатный голос кардинала, читающего молитву.

До сих пор не могу понять, как маленькая худенькая Люся умудрилась сквозь плотную толпу проникнуть в собор, а там еще добраться до алтаря и отгеснить от микрофона кардинала.

— А, ерунда, — отмахнулась Люся, когда мы ее потом стали расхваливать. — Вот когда я в Москве в ГУМе сапоги покупала, это действительно был подвиг! (Из книги Данелия «Безбилетный пассажир: байки кинорежиссера».)

Из книги
«Главный Универсальный Магазин».
М.: ТД «ГУМ», 2013